

Судьба Золушки

ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ безусловно популярен на Западе. И не только благодаря удивительному голосу. Покупая билет, публика не в последнюю очередь идет посмотреть на одного из 50 самых красивых мужчин планеты (по рейтингу журнала "People"). "Его голос и обаяние завораживают, им невозможно не восхищаться", - писала британская газета. Неудивительно, что график Хворостовского расписан до 2007 года, а ведущие оперные площадки мира соперничают, чтобы ангажировать русского певца.

Свой новый сборник песен военных лет Дмитрий Хворостовский посвятил ветеранам Второй мировой. Именно с этим концертом он приехал в родной город.

— НА КОНЦЕРТАХ, слушая ослепительные аллодисменты в Ваш адрес, невольно думаешь: у Хворостовского судьба Золушки в мужском обличье. Парень из Красноярска выступает на лучших мировых сценах...
— Когда вспоминаю свою жизнь в Красноярске, мне кажется, что это было не со мной, а с кем-то другим. Будто в а книжке прочитал про этого человека - настолько все далеко... Многие люди, знавшие меня раньше, пытаются и сейчас общаться со мной "тамочним". А я иногда и не помню их. Наверное, многие общаются.
— Когда Вы соглашались на ту или иную оперную работу, что для Вас важно - место, команда или название произведения?
— И то, и другое, и третье.
— Часто отказываетесь?
— Да.
— В каком театре Вы

наиболее комфортно себя чувствуете?
— Метрополитен и Ковент-Гарден. Там я, как дома. Хотя в моих интересах больше выступать в Японии, Южной Корее, Малайзии. Чтобы диски покупали, чтобы не забывали. В Южной Корее, например, у меня есть своя публика из тайнджиров, потому что меня там рекламировали по авторитетным каналам. И там на абсолютно классические программы приходят очень молодые люди. Там и классические певцы многие очень рано начинают заниматься - с 13-15 лет.
— А в Красноярске, на родине?
— Зрители здесь более сдержанные, скупые на эмоции, но зато в том, что 90 процентов тех, кто меня приходит слушать в Красноярске, я знаю лично. Это мой город. Концерты тут абсолютно "домашние" - для моих друзей и друзей моих родителей. Как правило, они проходят в Малом зале филар-

монии на 500-600 мест - не большим, уютном, с хорошей акустикой. Особенности его конструкции таковы, что со сцены он весь виден как на ладони. От испытующих взглядов уйти невозможно. Моя мечта - выступать при выключенном свете.
— ЕСТЬ кто-то из коллег, к кому Вы испытываете зависть?
— Я безмерно восхищаюсь Лучано Паваротти. Он обладает феноменальной техникой, не говоря уже о голосе. Я считаю, что, если бы ангел имел голос, он пел бы голосом Паваротти. Завидую той легкости, с которой он извлекает из себя звуки.
— Паваротти заканчивает петь к 70 годам. А Вы до скольких бы хотели петь?
— До скольких получится. Процесс старения у каждого происходит по-разному. Одни в 50 лет теряют голос, другие - позже. Паваротти еще несколько лет назад звучал как соловей, а сейчас жалко слушать. С ним что-то произошло после кончины его отца. Глаза получили. Сегодня он уже другой. Я сам с ужасом думаю о своем 60- или 70-летьи.

— Еще год назад Вы пресекали любые вопросы о личной жизни. Для журналистов это было табу.
— Мне пришлось пережить долгий процесс развода. Поэтому нынешнее счастье связано с болью и переживаниями. Иногда я думаю, что, как настоящий русский, не мог попутать счастье безвозмездно. Должен был его выстрадать. Зато теперь каждая минута и секунда, проведенные с Флоранс, доставляет мне такую радость, о которой я даже не мог мечтать.
— А Ваши дети от первого брака?
— К счастью, наши отношения из-за развода не пострадали. Я очень люблю Сашу и Данилу, мы часто встречаемся. Думаю, дальше все будет еще лучше. Я на это надеюсь.
— Ваша вторая жена - итальянка?
— Флоранс родилась в Женеве, мама у нее итальянка, а отец - француз. Мы в семье зовем ее на русский лад - Флора. Познакомились четыре года назад в Женевской опере, где я пел своего параво "Дон Жуана". Вначале мы общались на итальянском, потому что жена не говорила по-английски, потом выучила его. А теперь овладела и русским, причем настолько великолепно, что я снимаю перед ней шляпу.
— Флоранс - пианистка, но в последние годы стала заниматься пением. Хотя насчет карьеры жены сомневался. В семье пели, как правило, кто-то должен замолчать.
— Где Ваш дом?
— Домов у меня несколько - Нью-Йорк, Лондон, Женева, Москва. Новый год встречаем в Москве, потом едем в Питер. В принципе, дом там, где я в данный момент нахожусь. Мы путешествуем обычно с женой и сыном. Так что весь сканб приходится возить с собой. Когда мальчик пойдет в шко-

лу, придется что-то менять. Хотя, думаю, тоже можно найти выход - школы ведь в каждом городе есть. Для меня очень важно сохранить нашу компанию. Гораздо комфортнее вместе ездить, чем одному.
— За что Вам бывает стыдно?
— Иногда устаю и становлюсь ворчливым, раздражительным, нетерпимым к окружающим. Конечно, этого не должно быть. Поэтому мечтаю о большой боксерской груше. Тогда выброс отрицательной энергии будет происходить не на ближнего, а на обыкновенную грушу. Вот только как при моих постоянных путешествиях таскать за собой грушу?..
— Я очень противный дома. Характер у меня мнительный, раздражительный. Больше перед концертом превращает меня в чудовище. Боюсь, дрожишь, не спишь. Постоянно ворчу. Не гаваю, конечно, но рычу. Все знают, что лучше меня не трогать в дни перед ответственными выступлениями. А так как они у меня практически каждый второй или третий день, то жить со мной очень нелегко. Чтобы меня выдержать, нужно иметь космическое терпение. Но моя жена Флоранс никогда в жизни не говорила, что ей тяжело воспринять жизнь, что излучивает мою хандру. И потому, у меня есть совершенно чудесное "лекарство" - сын Максим. Только увидев его смеющееся лицо, сразу жизнь кажется лучше.

— Вы как-то сказали, что многие люди прекращают общаться с Вами после некоторых событий? Я думала, от мировых звезд друзья не отворачиваются...
— (Грустно.) Звезда - по-

отношение со многими моими друзьями и приятелями дали трещину по многим причинам, в том числе и из-за моего развода - долгого и мучительного. Кто-то из знакомых принял сторону моей бывшей жены, кто-то остался со мной. Все понимаю и никого не виню. И в то же время предательства не прощаю...
— Я заработал себе язву из-за переживаний, связанных с разводом. Должен был петь "Ризолетто" в Хьюстоне, но позвонил маме-доктору, то, наверное, сейчас бы с Вами не говорил. Она сказала: "Немедленно ложись в больни-

В мужском обличье

— После выписки мне нужно было есть мясо, пить вино, чтобы восстановить потерю крови. Еле-еле успел прийти в себя к премьере.
— Удивительно, Вы об этом рассказываете с улыбкой!
— 4 года назад мне было не до улыбок. А улыбаюсь потому, что тогда со мной уже была Флора. Жизнь все расставила по местам.
— Ваша теща - итальянка, тесть - француз. Из-за разных менталитетов не возникает проблем в отношениях?
— Они относятся ко мне

Александр (я его зову Сашей) попал под машину, разбился на мотоцикле. Сломал все, что можно. Теперь он не будет ходить 3-4 месяца. Когда приехала мать, он еще лежал на дороге и корчился от боли. У него был такой перелом, что нога находилась чуть ли не за ухом... Но, увидев маму, он улыбнулся и сказал: "Ну что, с Новым годом!" Можете представить, чтобы кто-то из нас так шутил в подобной ситуации?
— Живя в Лондоне, Вы приобрели какие-нибудь типично британские привычки?
— Терпеть этого не могу. В особенности - тоничная чай. На каждое тамошнее действие у меня есть противодействие. Я стремился оставаться русским человеком...
— Мне нравится Нью-Йорк. С американцами легко, но я быстро устаю от их ограниченности и пионерского оптимизма. Они напоминают мне китайский кинематограф и советские фильмы 40-50-х годов.
— Но разве не там собраны лучшие оперные силы мира - певцы, дирижеры?
— Безусловно. Нью-Йорк - одна из культурных столиц мира. Он мыслит широко и очень дружелюбен. Недавно я ходил на "Отелло" в "МЕТ" - все трое солистов русские - Отелло, Яго и Дездемона. Где еще такое увидишь? При этом следует иметь в виду, что публика в Нью-Йорке очень консервативна. Они платят за ту музыку, которая им нравится. Все постановки "Метрополитена" очень добротны и эффектны, но ничего нового там не происходит. Не то что в театрах Германии, Англии и Франции.
— Вы - суверенный человек?
— Нет. Плачу через плечо вешу в штучку. Иногда расщеплюсь пополам, когда мне сильно страшно перед выходом на сцену.
— Кристина Северная.

с обожанием. Флора папа в 78 лет перенес тяжелую операцию. Через неделю (!) он уже сел в машину, три часа трясся по дороге-серпантину, чтобы послушать мое выступление на одном фестивале. В лице мамы Флора и приобрел грандиозного друга. Она итальянка по происхождению, но напоминает мне русскую жену, про которую говорит: "Кто на скаку остановит, в горящую избу войдет".
— Что мне еще нравится во Флориной семье, так это удивительный оптимизм. Мы, русские, воспринимаем жизнь со знаком минус, они - со знаком плюс. Три недели назад братик Фло-

— Недавно мы с женой Флоранс и сыном Максимом съездили в Питер. В принципе, дом там, где я в данный момент нахожусь. Мы путешествуем обычно с женой и сыном. Так что весь сканб приходится возить с собой. Когда мальчик пойдет в шко-

лю, придется что-то менять. Хотя, думаю, тоже можно найти выход - школы ведь в каждом городе есть. Для меня очень важно сохранить нашу компанию. Гораздо комфортнее вместе ездить, чем одному.
— За что Вам бывает стыдно?
— Иногда устаю и становлюсь ворчливым, раздражительным, нетерпимым к окружающим. Конечно, этого не должно быть. Поэтому мечтаю о большой боксерской груше. Тогда выброс отрицательной энергии будет происходить не на ближнего, а на обыкновенную грушу. Вот только как при моих постоянных путешествиях таскать за собой грушу?..
— Я очень противный дома. Характер у меня мнительный, раздражительный. Больше перед концертом превращает меня в чудовище. Боюсь, дрожишь, не спишь. Постоянно ворчу. Не гаваю, конечно, но рычу. Все знают, что лучше меня не трогать в дни перед ответственными выступлениями. А так как они у меня практически каждый второй или третий день, то жить со мной очень нелегко. Чтобы меня выдержать, нужно иметь космическое терпение. Но моя жена Флоранс никогда в жизни не говорила, что ей тяжело воспринять жизнь, что излучивает мою хандру. И потому, у меня есть совершенно чудесное "лекарство" - сын Максим. Только увидев его смеющееся лицо, сразу жизнь кажется лучше.